

Интервью по поводу *Воскресения* - 1995 - 12 авг. - с. 7.

Petrovich любит вас

Борис Гусев — один из самых заметных молодых художников Москвы. В "Московской галерее" (Кузнецкий мост, 11) проходит организованная им выставка "Грани", не обойденная вниманием прессы и публики.

— Борис, это ведь далеко не первая выставка ваша в Москве?

— Десятая с 1991 года, когда я впервые выставился в Кремлевском Дворце съездов. А затем уже были выставки в ЦДХ, "Горбачев-фонде", ЦДЛ и т.д. Эту выставку я назвал "Грани" потому, что, как мне кажется, каждый из нас объемлет своим творчеством какую-то грань московской художественной реальности, не гонясь за сиюминутным, не липнет к брезгливо отшатывающемуся общественному мнению.

— Пожалуйста, коротко о работах художников, с которыми выставляетесь.

— Великолепные кинетические скульптуры легенды отечественного авангарда Леонида Берлина, благородство и высочайшее профессиональное мастерство живописи Виктории Ларионовой, кстати, внучки великого авангардиста Михаила Ларионова, вдохновение и бесконечная привлекательность работ маститого Алексея Куликова, нежность и хрупкая целомудренность живописи Юлии Казанской и совершенно необычные трогательные в своей неземной чистоте черно-белые живописные работы Ларисы Гусевой.

— Как бы вы определили свою живописную манеру?

— Для себя я определяю свою манеру, только не пугайтесь, как "фрагментарную фиксацию внутреннего

пространства". Концепция моего творчества — одновременно отображение подсознательного и поиск цветовой гармонии и взаимосвязи. Что касается моей непохожести, я не удивлюсь и не очень буду раздосадован, если где-нибудь в Новой Зеландии или в любом другом месте кто-нибудь делает подобные вещи. Вроде как Гендель и Бах, родившиеся в один год и творившие музыку очень близкую друг другу.

— Борис, слушаете ли вы музыку, когда работаете, или вам нужна тишина?

— Я благодарен за этот вопрос, потому что музыка в моей жизни значит очень многое. В детстве я учился в музыкальной школе по классу виолончели, и люди, меня окружавшие, делали все, чтобы отвратить меня от этого занятия, что в конце концов и произошло. Но прошло время, и вначале через западные (а других и нет) рок-группы я постепенно пришел к классике, затем к позднему Стравинскому, и сейчас во время моей работы магнитофон практически не умолкает. У меня неплохая фонотека, не буду здесь останавливаться на том, что я люблю, но мне кажется, что в мире искусства все должно быть взаимосвязано, не обязательно напрямую. Меня всегда поражают художники, которые ничего не знают о литературе, поэты, которым известны имена только корифеев живописи, музыканты, понятия не

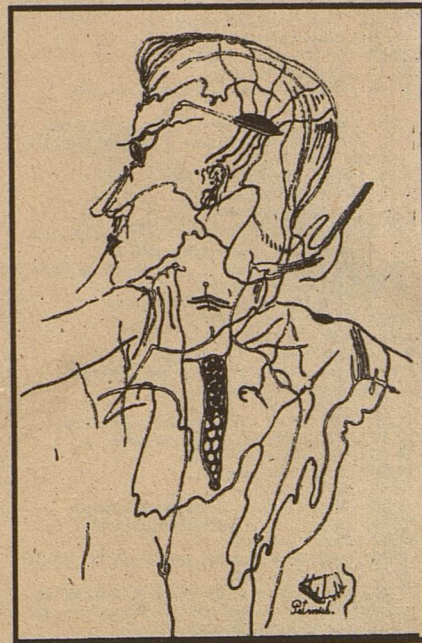
имеющие о других формах искусства.

— На выставке продается ваша книжка "Четырехчастный роман". Вам не хватает пространства в изобразительном искусстве?

— Я всегда любил книги, лет в семнадцать-восемнадцать решил, что должен стать писателем. Но очень быстро понял, что, каким бы эрудированным я ни был, сколько бы еще книг ни прочитал, без серьезного жизненного опыта я писателем никогда не стану. Попробовал себя в живописи и графике, и как-то так получилось, что буквально с первого своего произведения понял: это то, что я искал. Изредка я возвращался к своим литературным опусам, до тех пор, пока не предоставилась возможность без проблем издать книжку. Я быстро, о чем сейчас жалею, подготовил текст к печати, и она вышла, вот и все. Мне за нее не стыдно, но уже с весны я серьезно работаю над тем, что также будет называться "Четырехчастный роман", но в ином качестве.

— Почему раньше вы свои работы подписывали "Petrovich", а последние подписаны "Я люблю Вас!"?

— Это совершенно искренне, я говорю это от всего сердца, в нашем мире так мало бескорыстной любви, пусть хоть маленькая строчка на моих картинах сделает чью-либо жизнь хоть не-

множко более приятной. В книге, которую я сейчас пишу, будет глава "Монолог прекрасного карлика Бориса Нэкрасова, обладавшего незабываемым голосом в форме этико-объединительной концепции "Жизнь в любви".

Роза ПУШКАРЕВА.
На репродукции: Борис Гусев. «Голос карлика».